

ИЗ АРХИВА ГОСИЗДАТА В ОР ИМЛИ РАН*

*Вступительная статья и публикация Д.С. Московской,
подготовка текста Е.В. Безмен,
комментарии Е.В. Безмен, Д.С. Московской*

I

Официальной датой рождения Госиздата считается 21 мая 1919 г., когда было опубликовано «Положение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о Государственном издательстве». Вновь образованный орган включил в себя ряд кооперативных издательств, издательства «Коммунист», ВЦИК, Наркомпроса, Петроградского и Московского Советов народных депутатов и упразднил самостоятельность издательской деятельности всех наркоматов и прочих советских учреждений. В июне 1920 г. Госиздат был введен в систему Наркомпроса на правах его сектора, его редакционные малые коллегии слились с редакционными аппаратами соответствующих секторов Наркомпроса и прочих комиссариатов¹.

Основная задача Госиздата состояла в том, чтобы организовать единую издательскую систему в общегосударственном масштабе². Взаимоотношения Главной редакционной коллегии, руководившей Госиздатом³, и местных отделений должны были строиться согласно инструкциям и циркулярам Госиздата. Из них следовало, что местные отделения должны были объединить в себе всю издательскую деятельность местных отделов исполкомов, партийных и государственных учреждений. Со своей стороны, Центр предоставлял местным отделениям права издания без специальных санкций всей литературы случайного и периодического характера, отвечающей требованию момента в данной местности. Однако вся непериодическая, фундаментальная литература должна была издаваться лишь с предварительного утверждения Центрального управления Госиздата⁴. На практике местные наробразы, отделения исполкомов, парткомы, профорганизации и прочие учреждения издавали литературу самостоятельно, расходуя бумагу и средства на свое усмотрение. Параллелизм в работе усугублялся наличием на местах аппаратов Центропечати, «РОСТА», редакций местных «Известий», также ведших собственную издательскую деятельность. В 1920–1921 гг. Госиздатом было открыто 60 местных отделений, в деятельность которых открыто вмешивались губисполкомы, губкомы, губоно. Они предписывали местным отделениям издание тех или иных материалов вне очереди и в обход требований Госиздата. В результате

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-52-15031 «Финансирование советской культуры (1917–1941 гг.)».

с 1 января 1922 г. было решено ликвидировать ряд местных отделений, сохранив самые крупные в Петрограде, Ростове-на-Дону, Саратове, Томске, Воронеже, Казани, Екатеринбурге, Минске. Спустя некоторое время были ликвидированы отделения в Томске, Иркутске и Казани. К 1 ноября 1921 г. было юридически закончено слияние Госиздата и Петрогосиздата, который с этого момента стал отделением Госиздата на автономных началах. В основу деятельности сохранившихся местных отделений был положен принцип строгой целесообразности и абсолютной хозяйственной необходимости.

25 июля 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) утвердил новую организационную структуру издательства: заведующий Госиздатом вводился в состав редакционной коллегии, количество членов которой увеличилось. В 1921–1922 гг. статус Госиздата из главка Наркомпроса возрос до уровня Главного управления по делам печати, совмещающего в этой функции еще и роль государственного издательского предприятия. В этом последнем качестве Госиздат был переведен на самостоятельное хозяйственное существование, а в плане управления — был оставлен на госснабжении. Прибыль от книг, выпускаемых Госиздатом, делилась на три части, две из них покрывали расходы на производство и составляли издательскую прибыль, одна использовалась на скидку для продавцов и распространителей книжной продукции. Чистая прибыль шла на расширение хозяйственной деятельности, гонорар авторам и проч.

Став юридическим лицом, Госиздат приобрел общие права и обязанности обычного хозяйственного предприятия, при этом его задачи остались культурно-политическими — изменился лишь способ их выполнения. В 1922 г. из политического отдела Госиздата развился Главлит (5 июля 1922 г. было опубликовано «Положение о Главном управлении по делам литературы и издательства»), которому были переданы функции Госиздата как Главного управления по делам печати. Во главе Госиздата становится Правление в составе председателя и членов, не менее двух из которых назначались Наркомпросом.

Осенью 1921 г. Госиздат возглавил О.Ю. Шмидт. Он был сторонником децентрализации⁵, тем более что в условиях НЭПа роль центра Госиздату не удавалась — он практически не выполнял руководящей функции⁶. В 1923 г. Шмидт писал о том, что универсальное издательство при всех своих преимуществах слишком громоздко и не дает возможности гибко и оперативно удовлетворять потребность страны в книжной продукции. 24 июня 1924 г. им был разработан план реорганизации книжного дела, по которому предполагалось создание «отдельных издательских единиц»⁷.

Предложенный Шмидтом в 1924 г. проект был выполнен лишь частично — внутри Госиздата⁸. Следствием реорганизации во второй по-

ловине 1924 г. были коренные изменения в структуре Госиздата. С 1 октября 1924 г. аппарат Госиздата распадается на несколько самостоятельных торговых секторов⁹. Это были фактически независимые издательские единицы.

Реформа Шмидта, однако, не облегчила взаимоотношений Правления с местными отделениями. Характер этих трудностей имел общий для всероссийских институций культуры смысл борьбы сильных республиканских, краевых, областных или городских подразделений за финансовую и юридическую автономию от центра. Подобными противоречиями был раздираем, например, Всеросскомдрам. Ключевым тезисом кандидатов на перевыборах пленума входившего в состав Всеросскомдрама ленинградского Драмсоюза была возможно полная независимость от Москвы (в первую очередь, в отношении контроля за сборами с театров и выдачей гонораров)¹⁰. «Непрекращающаяся борьба за самостоятельность Драмсоюза, очень обострившаяся за последнее время, и внутренние осложнения между Правлением и его отделением в Москве», — зафиксировано в протоколе общего собрания членов Драмсоюза от 12 мая 1929 г.¹¹.

Подобную тяжбу с Москвой затеяло и Ленинградское отделение Госиздата (Ленгиз): фактически оно не несло перед Главным правлением никакой ответственности и хотело сохранить такое положение вещей, которому под давлением Наркомпроса вяло противодействовало Главное управление. Основной пик трений пришелся на 1924–1925 гг., когда председателями Правления ГИЗа являлись Шмидт и на несколько месяцев сменивший его на этом посту И.И. Ионов¹².

События развивались следующим образом.

16 февраля 1924 г. доклад о взаимоотношениях Главного управления с Ленгизом был заслушан в президиуме коллегии Наркомата просвещения. Президиум высказался «о желательности представления Ленгизу небольшой автономии»¹³, «но без нарушения единства ГИЗа как издательского аппарата НКПроса»¹⁴. Эту точку зрения поддержало и Правление ГИЗа, полагавшее, что автономия Ленгиза в редакционной и издательской работе слишком велика. Правление выступало «решительно против выделения Ленгиза в самостоятельное издательство»¹⁵, что и было зафиксировано в протоколе от 18 февраля 1924 г. 10 марта 1924 г. на заседании Коллегии Наркомпроса рассматривался проект положения о Ленгизе. Основные пункты временного положения подчеркивали, что Ленгиз, являясь отделением ГИЗа, обладает, с утверждения Наркомпроса, правом на определенный капитал и на самостоятельные финансовые операции, за которые Главное отделение не несет ответственности, равно как и на самостоятельное пополнение редакционного портфеля в пределах утвержденного редколлегией Главного

управления редакционного плана. Существенным моментом проекта было признанное право Ленгиза торговать по всему СССР, ограниченное, однако, тем, что открывать свои отделения и магазины Ленгиз мог только в тех местах, где таковых не было от Главного управления.

Пункт о торговле вызвал негативную реакцию у Ленгиза, и, как оказалось, ЛО его очень скоро нарушило. В ответ на непослушание Главное управление скорректировало свою позицию: с 1 апреля 1924 г. торгсектор Главного управления получал право производить у Ленинградского отделения ежемесячный забор нетто товаров по своему выбору в размере не менее 100 тысяч рублей. Это решение вызвало жесткий отпор Ленгиза. И уже на экстренном заседании Правления ГИЗа от 3 апреля 1924 г. права Ленгиза на независимую от Москвы торговлю были в полном объеме восстановлены. Ленгиз получил право вести торговлю по всей территории СССР «как и торговый аппарат Главного управления»¹⁶.

Таким образом, Ленгиз стал, по сути, из отделения ГИЗа самостоятельным книгоиздательством. Но на этом решении трения Ленгиза и Главного управления не окончились.

10 апреля 1924 г. ревизионная комиссия ГИЗа в своем отношении на имя Коллегии Наркомпроса обращала внимание Наркомата на то, что поддержанное Правлением решение ведет к созданию «двух фактически самостоятельных книготорговлей». И 30 апреля 1924 г. ГИЗ обследовала инспекция Просздравсобес РКИ. Инспекция выявила слабость организации управленческого аппарата ГИЗа по сравнению с другими его частями, а 27 июня 1924 г. ревизионная комиссия ГИЗа определила положение Ленгиза как «полную редакционно-издательскую независимость», с которой Наркомпрос не должен был мириться.

Ленгиз, в качестве подразделения Госиздата являясь — согласно постановлению ВЦИК от 21 мая 1919 г. — отделом губисполкома, нашел поддержку своей позиции в Ленинградском губернском исполнительном комитете. 2 июля 1924 г. на заседании Пленума Ленгубисполкома был заслушан доклад председателя ЛО ГИЗа Ионова. Выслушав Ионова, Пленум констатировал, что «организационное положение Ленгиза до 1 января 1924 г., предписанное Главным управлением Государственного издательства, приводило к искусственному сжиманию возможностей Ленинградского отделения, самого старого из советских издательств, достаточно зарекомендованного с идеологической и технической сторон. Это организационное положение, построенное по линии жесткого “главкизма”, пресекало возможности пополнения редакционного портфеля, <...> сужало возможность <...> распространения на торговом рынке <...> благодаря требованию отправки всех книг в Москву»¹⁷. Ленгубисполком постановил признать деловую автономию ЛО первым

правильным шагом на пути укрепления Ленгиза на всесоюзном книжном рынке.

Однако мнение Ленгубисполкома вскоре было оспорено Наркомпросом. Постановление Коллегии Наркомпроса от 29 сентября 1924 г. признало необходимость поездки комиссии для обследования Ленинградского отделения ГИЗа. Специально запрошенный по вопросу о трениях с Ленгизом председатель Правления ГИЗа Шмидт указал источники этих трений. Первым он назвал неподчинение Ленгиза ни одному из постановлений об организационных взаимоотношениях. Второй причиной явилось то, что Ленгиз был источником больших хозяйственных потерь для Главного управления: Ленгизу безвозмездно отошла типография, арендованная Главным управлением, как и запасы бумаги в ней. Также безвозмездно к Ленгизу отошли запасы национализированных книг, купленных Главным управлением у Наркомпроса за деньги. Весьма часты были случаи присвоения Ленгизом книг, печатавшихся в Ленинградских типографиях по заказам Главного управления. «Тяжелая картина взаимоотношений с Ленгизом определенно указывает, что децентрализация в ГИЗе часто имела неприятные последствия, ложившиеся всей тяжестью на Главное управление»¹⁸, — заключила комиссия. Общий вывод гласил: «...никакие частичные реформы не оздоровят ГИЗа, если внимание руководящих органов и Правления ГИЗа не будет направлено на радикальное уничтожение вышеуказанных отрицательных явлений и тех условий, которые их порождали»¹⁹.

Вывод комиссии касался первых трех Правлений ГИЗа, с 10 сентября 1923 г. по 1 декабря 1924 г. возглавляемых Шмидтом, когда, как значилось в докладе по итогам проверки, «уродливый централизм существовал наряду с анархией, нагромождением управленческих аппаратов по секторам, предприятиям»²⁰.

В протоколе от 18 декабря 1924 г. Правление постановило автономию редакционных частей сохранить, но координировать их работу в редакционно-плановой комиссии. Было решено слить управленческий аппарат Ленгиза с издательским аппаратом ГИЗа. Произошла коренная смена состава Правления, которое теперь возглавил ленинградец Ионов. Ему была поручена реформа ГИЗа. Ленгиз фактически превратился в часть единого издательского механизма Наркомпроса. Но в силу неопределенности общего положения вопрос об организационной схеме Ленгиза остался непоясненным и был поставлен вновь лишь в марте 1925 г., когда Ионов вернулся в Ленгиз в качестве его заведующего.

7–10 октября 1925 г. ЛО ГИЗа было вновь обследовано под руководством управляющего Просздравсобес Инспекцией тов. Кучменко и другими представителями РКИ и Наркомпроса. В состав проверяю-

щей комиссии вошли представители Ленинградского Губисполкома (Г.В. Цыперович и Я.М. Малецкий), ГКК (И. Крицберг), ЛГОНО, Губпрофсовета и Губпроса, а также самого Ленгиза (Ионов и Е.Я. Белицкий). Вероятно, ленинградские представители оказали непосредственное влияние на выводы комиссии, которые оправдывали поведение Ленгиза по-прежнему существовавшей юридической и организационной невыясненностью положения Ленгиза в системе Наркомроса, и эта неопределенность не позволяла «ясно и точно ответить на вопрос: что такое Ленгиз, вполне самостоятельный орган государственного издательства или ленинградская часть единого Госиздата». Вывод комиссии: «Ленгиз был, в сущности говоря, всецело предоставлен самому себе». Комиссия нашла возможность поддержать деятельность Ленгиза: «Однако неблагоприятное воздействие на организационную работу Госиздата и Ленгиза, невыясненность их взаимоотношений, особенно тяжелое для Ленгиза, возмещалось для последнего как бесценностью его главного руководителя <И.И. Ионova>, отличающегося к тому же крупной энергией и чисто библиофильскою преданностью культуре книги, так и устойчивостью состава его ближайших помощников, в массе отличающихся и преданностью, и любовью к издательскому делу вообще и издательству Ленгиз в особенности»²¹.

Пожалуй, важнее этих общих выводов было документальное подтверждение того, что работа ЛО ГИЗа была эффективнее и успешнее работы Главного управления. Было выявлено, что по шести основным группам изданий — учебно-воспитательных, социально-экономических, литературно-художественных, учебно-профессиональных, научных, научно-популярных — Ленгиз опережал Госиздат в продажах на 4,9–16,6%. Расходимость изданий Лениздата была равна 83,3%, что на 10,4% было выше, чем у Госиздата. «Такой высокий процент расходимости можно было бы объяснить широтой охвата рынка, но подобное объяснение должно быть категорически отвергнуто»²². Комиссия указала, что ЛО отличается от Главной редакции, прежде всего, «доброкачественность ленгизовской продукции в буквальном смысле слова: внутренняя и внешняя доброкачественность»²³, которая и позволила ЛО преодолеть вынужденную свою зависимость в торговых операциях от Госиздата. Отмечалась и коммерческая успешность Ленгиза, использовавшего так называемое «сезонирование» литературы, т. е. распределение процессов обработки и печатания изданий с таким расчетом, чтобы книга выходила в тот момент, когда она может рассчитывать на наибольший спрос. Отмечалась также высокая скорость прохождения рукописи в редсекторе, где учет движения рукописи производился по карточной системе и был признан налаженным и дающим полную возможность как контроля за движением рукописей, так

и быстрого получения справок. Общий вывод комиссии: «ленгизовская книга дешевле довоенной и дореволюционной».

В разгар тяжбы между Ленгизом и Главным управлением ЛО выпустило книгу-отчет о своей деятельности за семь лет²⁴, в которой обосновывались заслуги Петрогиза-Ленгиза перед культурой молодой Советской республики и его право на автономию. В частности, напоминалось, что ЛО ГИЗа (бывший Петрогосиздат) начал свою деятельность в феврале 1918 г. как небольшая издательская ячейка в Смольном. Именно она обеспечивала потребность фронта в агитационной и популярно-политической литературе, дававшей красноармейцам первые наработки политзнаний, она же обеспечивала тыл листовками, брошюрами, лозунгами и плакатами. Отмечались крайне тяжелые условия войны и разрухи, в которых ей приходилось работать. Подчеркивалось умение собрать вокруг себя лучшие в республике редакционно-издательские кадры. Высокой квалификации персонала Ленгиза, его преданности общему делу, неизменности его состава придавалось особое значение, потому что именно эти качества обеспечивали высочайший уровень продукции Ленгиза в сравнении с другими отделениями, что подтвердила международная книжная выставка во Флоренции в 1922 г., где была представлена в основном продукция Петрогосиздата времен НЭПа. Эти и другие сведения, собранные в брошюре, очевидно, должны были подтвердить право Ленгиза на самостоятельность и независимость от Главного управления в условиях, когда Наркомпрос пытался выстроить последовательно иерархическую систему управления издательским делом в Республике.

История взаимоотношений Ленгиза с Главным управлением ГИЗа отчасти иллюстрирует ситуацию, приведшую в июле 1930 г. к ликвидации Госиздата. Принятый в апреле 1929 г. план первой пятилетки вступил в противоречие с многоукладностью в книгоиздании, которая сохранялась вследствие рыхлости структуры Госиздата и малой авторитетности Главного управления ГИЗа. Процесс формирования государственной монополии на печатное дело был успешно завершён в июле 1930 г. Это был переломный в истории страны год. Он шел под знаком провозглашенного в апреле 1929 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) реконструктивного периода во всех областях жизни. В политике, в науке и культуре как ее зеркале достигла кульминации борьба с троцкистским крылом: разгром «воронщины», дискуссия в Комкадемии 1929–1930 гг. по поводу творчества попутчиков — Л.М. Леонова, М.А. Булгакова, Б.А. Пильняка, С. Клычкова, О.Э. Мандельштама, И.Г. Эренбурга, А.Н. Толстого, П.С. Романова, П.В. Орешина, И.А. Новикова, С.Н. Сергеева-Ценского²⁵. В науке — дело «историков»²⁶. На лето 1930 г. пришла новая волна борьбы с кулачеством, а 25 ноября — 7 декаб-

ря 1930 г. разворачивается процесс «Промпартии» над спецами дореволюционной закалки как над сознательными вредителями. В Наркомпросе была ликвидирована Главнаука. Тогда же по постановлению ЦК ВКП(б) «О работе Госиздата РСФСР и об объединении издательского дела» при Наркомпросе РСФСР был создан ОГИЗ — объединение крупных типизированных издательств РСФСР. Характерные для эпохи НЭПа сепаратная борьба и попытки уклонения от директив центра, свободная конкуренция, которая переводила внимание издательства с идеологии на заработки и сопровождалась захватом читательского потребительского рынка и торговых площадок, были пресечены. В условиях первой пятилетки ОГИЗ взял на себя координацию всей издательской деятельности в стране, осуществление общего планирования, руководство сбытом продукции и подготовкой кадров, финансированием и снабжением. И не только это. Осенью 1930 г. РАПП принимается постановление о призыве ударников производства в литературу и показе героев труда как «генеральной теме пролетарской литературы». Эти новые проекты и тенденции берет на реализацию ОГИЗ.

II

В 1932 г. постановлением Президиума ЦИК СССР создается Институт литературы им. М. Горького, с организацией при нем библиотеки, в 1935 г. в Институте началось формирование Отдела рукописных и книжных фондов, который пополнялся закупками на международных аукционах, у частных лиц и по другим каналам. В феврале 1941 г., как следует из книги поступлений № 176, архивные материалы ГИЗа дополнили Отдел рукописей Института мировой литературы. Архив Госиздата поступил в ОР не в полном объеме и представляет собой фрагмент разрозненной архивной коллекции, образованной деятельностью первого советского государственного издательства. Первоначально, в 1937 г., он был передан в Государственный литературный музей. В апреле 1941 г. после создания Центрального государственного литературного архива туда перешла значительная часть рукописных фондов ГЛМ и с ними материалы ГИЗа; документы финансово-юридического характера ГИЗа отложились в ГАРФе. В фонде ГИЗа в ОР ИМЛИ РАН основной корпус документов относится к 1924–1930 гг., что соответствует периоду институционального существования Госиздата. Незначительное число документов датируется 1904–1933 гг. Большая часть фонда представлена автографами и авторизованными машинописями. Научно-техническая обработка документов проводилась в 2014 г. в соответствии с действующими архивными правилами.

В процессе научно-технической обработки были систематизированы и распределены по трем описям 1057 единиц хранения: литературные произведения разных авторов (рассказы, очерки, повести, стихи для детей, сценарии, статьи); отзывы и рецензии; договоры, письма, расписки, заявления и прочие документы, фиксирующие взаимоотношения авторов и издательства.

Творческие материалы составили тексты, принадлежащие перу писателей из различных регионов СССР. Украина представлена пьесами, этюдами, очерками Калистрата Романовича Анищенко; автографами предисловия к сборнику «Викой» Ярослава Галана; машинописями повестей «Алай» и «Гюлле» одного из организаторов Ялтинской и Одесской кинофабрик, автора сценария фильма «Провокатор» (1927), Александра Федоровича Скрипаль-Мищенко (Олесь Досвітній); переводами рассказов «Тяжелая дорога», «Преступница», «Счастье Пейсаха Лейдермана» Модеста Левицкого; автографами пьес «Былое» и «Сын совы» Евгения Максимовича Кротевича; машинописью сборника рассказов Олекся Кундзича.

Творчество белорусских писателей отражают рукописи рассказов «Распутница», «Озорник» Цишки Гартного (наст. имя Дмитрий Федорович Жилунович), «Старый Конокрад» Якуба Коласа, «Монашенка» Максима Горьцкого; авторизованные машинописи рассказов «Ночью», «В омуте жизни» Михася Зарецкого; перевод повести «Два», легшей в основу сценария фильма «Сосны шумят» (1929), комсомольского поэта, журналиста, сценариста-кинематографиста Анатоля Вольны (наст. фамилия Ажгирей).

Вацлав Александрович Сольский выступил от лица польской литературы с машинописью сборника «Стакан воды». Творчество цыганских писателей отразили рассказы для детей и очерк «Цыгане вчера и сегодня» Александра Вячеславовича Германа, а также автографы повестей и рассказов для школьников «Проклятое золото», «Цыган и конь», «Конокрад», «Первый шаг» Федора Григорьевича Гирса.

Литературу различных регионов советской России представляют рассказы корреспондента «Крестьянской газеты», саратовца Вячеслава Андреевича Аверьянова; стихи харьковчанина Бориса Львовича Карелина; главы «Горные партизаны» из романа «Лава» писателя-уральца Михаила Голубых; автограф сборника «Приливы и отливы» поэтессы, состоявшей в Курском союзе поэтов, Ольги Мартенс; автографы стихов «На берегу океана», «Жизнь — борьба», «Свободная мысль» ярославского краеведа и близкого друга А.А. Золотарева поэта Ангелиса Лбовского (наст. фамилия Кожухов); произведения писателей-ленинградцев Николая Заболоцкого, Александра Введенского. Творчество писателей-сибиряков отражено главами «Мягкое золото» из книги «Силуэты зверя»

забытого писателя, корреспондента журнала «Сибирские огни» Ивана Абабкова; автографами рассказов «Васька Моксунов» и «В Саянах» этнографа и путешественника Петра Евгеньевича Островских; машинописями «Сказов» Антона Семеновича Сорокина — учителя Л. Мартынова и Вс. Иванова; воспоминаниями Алексея Гладуна «Алтайский день».

Среди авторов немало графоманов, творцов так называемой «наивной литературы». Свои художественные опыты они сопровождали пояснительными записками, обращениями к редакторам с просьбой о поддержке и автобиографиями (см. документы 1–4, 8). Образцами наивной литературы можно считать повести и рассказы крестьянских писателей — Николая Сергеевича Владимирского; поддержанного Максимом Горьким рабкора Константина Гудка-Еремеева; селькора Василия Харламовича Демидова; поэзию крестьянских поэтов Татьяны Акимовой и Ивана Алейникова; ярославца, вероятно, из духовного сословия Николая Васильевича Воскресенского (см. документы 3–5).

В Госиздат поступали произведения опытных писателей, чей творческий путь начался до революции: машинописи с правкой рассказов «Матрос Подопри-Гора», «Пешка-Шкерт», «В Усолье» писателя-мариниста Евгения Сергеевича Бывалого (псевд. Зюйд-Вест); автограф очерка «Н.Г. Помяловский» литературоведа, историка общественной мысли Митрофана Михайловича Клевенского; сборники народных песен собирательниц-фольклористок Н.И. Виноградской и М.Я. Шнейдер; автограф сборника материалов для драматизации в школе, составленного ученицей В.Ф. Миллера, этнографом и фольклористом Еленой Николаевной Елеонской; стихи Ванды Валуевич, состоявшей в петроградской литературной группе «космистов»; автограф пьес-сказки «Чайная роза» поэтессы Екатерины Сергеевны Герцог; автографы стихов члена «Звучащей раковины» Иды Наппельбаум; поэма «Люцифер» Карла Дишлера с автографом Валерия Брюсова; автограф исторической повести «Записки рабочего николаевского солдата», принадлежащей перу приятельствовавшего с И.Д. Сургучевым писателя из рабочих Наума Ефремовича Лещинского; автограф очерка «Черная сила» и статей «Как они разоружаются» и «В долине роз и крови» востоковеда, путешественника и писателя Тагеева Рустам-Бека (наст. имя Борис Леонидович Тагеев; авторизованная машинопись Михаила Ивановича Туган-Барановского; подготовленный Верой Новицкой, Сергеем Ауслендером и Александром Солодовниковым сборник пьес и инсценировок «Детский театр»; автографы стихов и рассказов члена суриковского литературно-музыкального кружка Сергея Прокофьевича Демина и многое другое.

Столь же разнообразен жанровый состав произведений и круг их адресатов. Детям дошкольного и школьного возраста были предна-

значены дошедшие до нас в автографах пьесы и рассказы детских писательниц Ольги Бем, Ольги Марковны Гурьян (наст. имя Ольга Марковна Калабушкина), Софьи Абрамовны Заречной (наст. имя Софья Абрамовна Качановская) и Марии Романовны Зарницкой; автографы и авторизованные машинописи рассказов и стихов для детей, принадлежащие жене Льва Владимировича Горнунга, талантливой поэтессе Анастасии Васильевне Солововой; рассказы «Гришины игрушки», «Посол», «Озорные» и др. Павла Николаевича Барто; рассказ «Дяденька» («Дядюшка») Бориса Степановича Житкова; автографы сборника детских рассказов и стихов забытого поэта-символиста, состоявшего в родстве с Александром Блоком, Александра Викторовича Коваленского; стихи Виталия Валентиновича Бианки; рассказы для детей, написанные Константином Никаноровичем Боженко; повесть «Негр из Марокко» Николая Владимировича Ваганова; рассказы и очерки «Арбузники», «Два новых Колумба», «Пешком по Крыму» автора авантюрных романов Владимира Всеволодовича Веревкина; пьеса «Две силы» писателя-фантаста Льва Петровича Голосницкого; авторизованные машинописи исторических повестей «Приключения Некраса Бывалого» и «Конфедератка» Бориса Владимировича Горнунга; исторический очерк «Степан Халтурин» (из серии «Биографии русских революционеров»), подготовленный отцом поэтессы Юлии Друниной, историком и педагогом Владимиром Павловичем Друниным; авторизованные машинописи рассказов о животных, подготовленные Владимиром Леонидовичем Дуровым и Сергеем Викторовичем Покровским; автограф рассказа «Резиновые головы» Николая Алексеевича Заболоцкого; авторизованные машинописи и гранки очерков писателя-фантаста Николая Александровича; автограф «Сказок африканских народов» Николая Альбертовича Куна; переработанный Сигизмундом Кржижановским роман Герберта Уэллса «Освобожденный мир»; рассказы и пьесы суриковца Павла Логинова и многое другое. Значительный пласт произведений адресован зрелому читателю. Это авторизованная машинопись поэтического опыта «Поэма о солнце» режиссера Николая Николаевича Кармазинского; авторизованные машинописи стихотворений «Сатира на женатых» и «Острижен скопом Ростислав» Александра Ивановича Введенского; пьеса «Волчьи ямы», «72 дня» Бориса Арнольдовича Вакса; автограф очерка «Гости пролетариата» Виктора Ваксова; авторизованная машинопись очерка «Чья рука?» лефовского критика Михаила Юрьевича Левидова; авторизованная машинопись рассказа «Одна из тринадцати» Петра Николаевича Ионова; «Баллады о трех» и главы из повести «Скаут мастер Платонов» Андрея Иркутова.

Дальнейшая судьба рукописей в ряде случаев реконструируется по отзывам рецензентов и/или отметкам редакторов. Например, пьеса

«Великий сдвиг» (1926) Калистрата Романовича Анищенко была сдана в архив с отметками редакторов «Не подходит. Возвратить автору», «Отклонить»²⁷. Та же судьба была у пьесы «Сказка о свободном народе рыбаков» Юрия Васильевича Болотова, получившая отрицательный отзыв театрального критика Ю.М. Соболева: «При наличии несомненной литературности, отсутствие подлинной революционной героики, в расчете на которую в сущности и написана эта сказка <...> Идеологическое зерно пьесы дает какой-то вялый росток <...> Пора бы давать детям пьесы, в которых были бы показаны действенные силы революции и без сказочных фей»²⁸. Отклонил Соболев также сказку «Чайная роза» поэтессы из круга А. Блока и С. Есенина, Е.С. Герцог: «Рассказ о прекрасной королевской дочери, влюбленном паже, нелюбимом жене. Рыцари, вассалы, розы, соловьи, лунный свет. Шаблон слащавой стилизации вовсе не детского сюжета»²⁹. Рецензентом Г. Литкенсом был отвергнут «Сборник материалов для драматизации в школе», подготовленный по фольклорным материалам XVIII–XX вв. Е.Н. Елеонской: «Прежде всего возникает сомнение в нужности и пригодности такого сборника. <...> материал, который может быть использован, совершенно не связан ни с трудовыми процессами, ни с трудовым бытом. Свадебные обряды, то, что может дать содержание драматизации, связаны с религиозно-церковными обрядами и вряд ли эта связь может пройти незаметной для детей»³⁰. Порядок прохождения рукописи в редакционном секторе Госиздата предполагал заполнение бланка политического отзыва. Так, рукопись А.И. Чеботаревского «Русская карикатура» снабжена такого рода отзывом. В графе «Точное указание мест политически недопустимых или сомнительных (В сложных случаях указать мотивы)» за подписью Волкова значится: «Печатать можно. На стр. 21. “самых опасных врагов человечества” — взять в кавычки. На стр. 30 (стр. 2): выкинуть слово “чуткая”. На стр. 42 (выноска): вычеркнуть слово “императора”. На стр. 45: выкинуть слово “почетная”. На стр. 46: выкинуть слово “императора”»³¹. Не все документы сохранили такого рода отзывы. Рукопись статьи того же Чеботаревского «В.Г. Перов, его жизнь и художественное творчество» 1922 г. содержит на титульном листе запись-заключение от 19 июля 1922 г., заверенное подписью редактора литературной серии П.П. Муратова: «Рукопись проредактирована и одобрена к печатанию»³².

Как занимательные и познавательные были поддержаны анонимным рецензентом документально-художественные очерки и рассказы Владимира Всеволодовича Веревкина «Арбузники (Рассказы о спорте)», «Два новых Колумба», «Пешком по Крыму», «Парни с “Красного Якута”», которые позже были опубликованы. Очерк «Гости пролетариата СССР» (1927) Виктора Ваксова получила резолюцию «В набор»³³

и была издана в 1928 г. На обложке рассказа «Папа Римский» Вячеслава Андреевича Аверьянова сохранилась запись редактора красным карандашом: «Имею возражения»³⁴. На просьбу Георгия Григорьевича Алексеева поддержать публикацию его очерка «По советской полярной тундре» в журнале редакция «Нового мира» ответила, что журнал «достаточно обеспечен очерками на целые полгода. Со стороны художественной очерки недостаточны зрелы»³⁵. Отзыв С.А. Ауслендера на рассказ Александра Львовича Алянова «На пути к жизни», по-видимому, открыл произведению доступ к читателю: «Это скорее не рассказ, а очерк так как в нем нет художественно ярких картин и образов и нет никакой развивающейся фабулы. Как очерк жизни беспризорных, причем написанный довольно бледно и вяло, но просто и правдиво представляет известный интерес. Он не захватит особенно, но многие из ребят найдут в нем для себя близкое и знакомое. При бедности современной детской литературы рассказ при всей его незначительности можно считать приемлемым. С. Ауслендер. 24 февраля 1924 г.»³⁶.

Фонд Госиздата ОР ИМЛИ изобилует именами «врагов народа». Так, автор повести «Два» белорусский писатель и киносценарист, создатель приключенческой литературы для детей Анатолий Вольны (наст. фамилия Ажгирей) был репрессирован в 1936 г. Судьбу Ажгирея разделил драматург и прозаик Рустам Галиат (наст. имя Руслан Георгиевич Валаев). В отличие от Ажгирея, который был расстрелян, Рустема Валаева, арестованного за «убийство» С.М. Кирова, сослали на Соловки, его литературная деятельность была насильственно оборвана, но жизнь сохранена. Произведения Галиата после освобождения и реабилитации почти не издавались. Рукописи, изъятые при аресте, были утеряны, архив не сохранился. Был арестован и умер в тюремной больнице белорусский писатель Дмитрий Федорович Жилунович (Цішка Гартны). В 1934 г. к высшей мере социального наказания как контрреволюционер был приговорен украинский писатель, киносценарист Александр Федорович Скрипаль-Мищенко (псевд. Олесь Досвітній). Его судьбу разделил исключенный из коммунистической партии «за проявления национал-демократизма» белорусский писатель, член Союза писателей СССР Михаил Зарецкий. Были расстреляны писатель Петр Николаевич Ионов, очеркист Андрей Иркут, писатель-самоучка из крестьян Георгий Андреевич Агеев. Среди документов фонда был обнаружен договор с ГИЗом лингвиста Евгения Дмитриевича Поливанова относительно издания его книги «Лекции по введению в языкознание и общей фонетике». В 1937 г. Е.Д. Поливанов был расстрелян. Расстреляны были писатели, журналисты Ауслендер, Левидов, Рустам-Бек Тагеев.

Репрессиям, арестам и ссылкам в 1930-е гг. подвергались и другие авторы Госиздата: попутчики Н.А. Заболоцкий, А.И. Введенский, писатель из рабочих, участник Первого съезда Советских писателей Иван Петрович Недолин (наст. фамилия Маркелов), дочь депутата Третьей Государственной думы, поэтесса Анастасия Васильевна Соловова. В эмиграции и, значит, врагами народа оказались украинский врач и писатель Модест Левицкий и порвавший с коммунистами польский писатель, российский журналист и партийный деятель Вацлав Александрович Сольский.

Отличительной особенностью архивного собрания Отдела рукописей ИМЛИ является обширная коллекция документов российских литературных организаций и объединений 1920–1930-х гг. Все они в своем составе содержат стенограммы конференций, диспутов, обсуждений, в которых участвовали и так называемые «враги народа», творческие материалы, анкеты с личными данными, корреспонденцию и прочие документы репрессированных деятелей культуры. Закрытый от широкого читателя архивный фонд ОР ИМЛИ, ориентированный на коллекции документов литературы и искусства советского периода, имел характер спецхрана. Вывод о спецхрановском статусе ряда фондов ОР ИМЛИ подтверждают соответствующие отметки, сделанные первыми систематизаторами на листах, вложенных в архивные обложки вместе с делами. Напомним, что особым циркуляром Центрального архивного управления СССР и РСФСР в 1936 г. были запрещены к выдаче архивные материалы, связанные с именами Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева «и их приспешников».

Ниже печатаются поступившие в Госиздат документы личного происхождения и творческие материалы. Все они печатаются по подлинникам из фонда Госиздата (ф. 7). Конъектуры — к ним относятся восстановленные неразборчивые или утраченные фрагменты, авторские сокращения — даются в угловых скобках и отмечаются в случае сомнения вопросительным знаком. Во всех случаях сохраняется авторская орфография и пунктуация.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Государственное издательство в 1922 году. М.; Петроград: ГИЗ, [1924]. С. 7.

² См.: Шмаркова И.А. Госиздат и проблемы оптимальной структуры советского издательского дела // Книга и культура. М., 1979. С. 122.

³ См.: Государственное издательство в 1922 году. С. 3–4.

⁴ См.: Там же. С. 8.

⁵ См.: ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 13. Ед. хр. 179. Л. 9.

⁶ См.: *Шмаркова И.А.* Госиздат и проблемы оптимальной структуры советского издательского дела.

⁷ По тематическому признаку; цит. по: *Шмаркова И.А.* Госиздат и проблемы оптимальной структуры советского издательского дела. С. 126.

⁸ См.: Там же. С. 127.

⁹ См.: Там же. С. 129.

¹⁰ См.: *Плотников К.И.* История литературной организации Всеросскомдрам (По материалам отдела рукописей ИМЛИ РАН): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01: защищена 28.05.2015. М., 2015.

¹¹ ЦГАЛИ. Ф. 367. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4.

¹² В 1924 г. в ГИЗе сменилось четыре Правления:

1. с 10 сентября 1923 г. по 12 июля 1924 г. — 10 мес. (председатель — О.Ю. Шмидт);

2. с 7 июля по 18 августа 1924 г. — 1 мес. 12 д. (председатель — О.Ю. Шмидт);

3. с 18 августа по 1 декабря — 3 мес. 12 д. (председатель — О.Ю. Шмидт);

4. с 1 декабря 1924 г. (председатель — И.И. Ионов).

См.: ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 13. Ед. хр. 179. Л. 25–29.

¹³ Там же. Л. 15.

¹⁴ Там же. Л. 9.

¹⁵ Там же. Л. 15.

¹⁶ Там же. Л. 17.

¹⁷ Там же. Ф. 404. Оп. 12. Ед. хр. 1157. Л. 1.

¹⁸ Там же. Ф. А-406. Оп. 13. Ед. хр. 179. Л. 18.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 10.

²¹ Там же. Оп. 12. Ед. хр. 1159. Л. 2.

²² Там же. Л. 27.

²³ Там же. Л. 28.

²⁴ См.: К семилетию Ленинградского отделения Государственного издательства. 1918–1925. Л.: Гос. изд-во, [1925].

²⁵ См.: Буржуазные тенденции в современной литературе: Доклады в Коммунистической академии. М.: Изд-во Коммунистической акад., 1930. С. 21.

²⁶ См.: Проблемы марксизма. 1931. № 3. С. 86–124.

²⁷ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. [1].

²⁸ Там же. Ед. хр. 76. Л. [1].

²⁹ Там же. Ед. хр. 151. Л. [2].

³⁰ Там же. Ед. хр. 252. Л. [1].

³¹ Там же. Ед. хр. 8166. Л. [1].

³² Там же. Ед. хр. 816а. Л. [1].

³³ Там же. Ед. хр. 95. Л. 1.

³⁴ Там же. Ед. хр. 3. Л. [1].

³⁵ Там же. Ед. хр. 16. Л. [1].

³⁶ Там же. Ед. хр. 26. Л. [1].

1

БИОГРАФИЯ.

КРЕСТЬЯНКИ-ПОЭТЕССЫ, САМОУЧКИ ВЕРЫ ПЕТРОВНЫ ЧЕСНОВОЙ.

Это маленькая, незаметная личность, простая деревенская девушка, полуграмотная — самоучка — моя родная сестра. У моих родителей нас было двое, я и сестра. Кроме дарования поэзии, это была революционерка, насквозь пропитанная идеей революции.

Вера Петровна, была моложе меня на 6 лет.

Тяжелая, горькая доля выпала на эту маленькую, незаметную личность.

Смерть отца, умершего в 1903 году, погибшего скоропостижной смертью, затем мой арест и высылка, разоренное хозяйство, бедность, тяжелый убийственный труд крестьянки, оставшейся с со старухой матерью, постоянные угрозы полиции о выселении за мои «проступки», угнетающе влияли на поэтессу.

Полевые работы, уход за скотом, копанье торфа, рубка леса, в морозные зимы, пали на слабые плечи сестры, слабенькой, худосочной и к тому-же некрасивой, почему она и не вышла за муж.

Но все таки, хотя бы:

«Все эти доли легли
На женщину Русск<о>й земли»

они не сломили её любви к книге, к знанию и поэзии.

Все образование её прошло самоуком, от меня, в школе она ни когда не училась.

Ни когда я не думал, не гадал чтобы моя сестра писала стихи. Это произошло так. Мое тюремное заключение в 1906 году сильно повлияло на сестру, и когда я проживал в далекой ссылке на севере в 1909 году, я получил от ней письмо в котором было вложено написанное каракулями стихотворение под заглавием «Закат» посвященное мне.

Вот это стихотворение целиком:

ЗАКАТ»

(Посвещается моему брату)

В тюремное окно, вечерняя заря
Смеется мне приветливо и нежно,
И тают облачка в разливе янтаря
И небо синее глубоко и безбрежно.

Там башень и дворцов зубчатая гряда,
Внизу гранит а сверху блеск коралла,
И розоватых тучь пушистая стада,
И мост через огонь из синяго металла.

Покой и красота... Простор и тишина...
Как будто сон из стародавней сказки;
Царевна спящая... Волшебная страна
И витязь, и колдун, и радостные ласки...

Душа моя ушла из граней бытия;
Иль мудро стены так раздвинулись широко?
И нет тюрьмы сырой, и в камере не я
И люди и борьба — они ушли далеко...

Это стихотворение в 1911 году, было, по возвращении меня из ссылки привезено в Орел. Я показал его редактору «Орловского Вестника» А.И. Аристову, который не доверился в стихотворение и потребовал доставить черновик и только тогда стихотворение было напечатано.

После этого стихи поэтессы стали печататься. Но всех их было напечатано до 20ти стихотворений, в которых воспевались яркими красками картины природы. Это были чудные художественные стихи, мы в шутку с Ив. Ив. Селиховым называли их «изумрудными стихами»...

А.И. Аристов не раз заказывал сестре присылать стихотворения.

Но тяжелая суровая доля бедности непосильного труда и по возвращению моему из далекой ссылки по восстановлению разрушенного хозяйства доконали поэтессу

Однажды в припадке горя и нужды она бросила в печку целую тетрадь прекрасных стихотворений и сожгла.

Это было в моем отсутствии.

Кое-какие рукописи хранятся у меня, а также хранятся и часть её печатных стихотворений...

Преждевременная смерть наконец прекратила жизнь этого нерасцветшего цветка.

28 октября 1915 года поэтесса умерла в тяжелой мучительной болезни.

«Моей жизни огонь
Загорался не раз:

Бури шквал налетел —
Он безследно погас.

Говорится в одном ее последнем стихотворении <и>... Умерла она на 36 году жизни, ни согретая ни чьим участием. Бедность была виною.

В глубокую осень, холод, она работала на поле подбирая картофель, босая; хотя и имелись ботинки но она пожалела их обуть. Простудилась. Сделался нарыв в горле. Свезли в больницу, сделали две операции. Но нарыв бросился в мозги. Медицина была бессильна и в страшных мучениях сестра умерла. По объяснениям врачей это была так называемая болезнь «Короля Людовика».

Над сказать, что Вера Петровна, была первой и единственной крестьянской поэтессой от сохи.

Брат Алексей Чесноков

<1927>

Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 817. Л. 1–2. Автограф.

2

БИОГРАФИЯ

Георгий Андреевич Аге́ев родился в ставропольской губ<ернии> медвеженского уезда 25 мая 1884 года Грамоте вернее сказать чтению я обучился у своего дедушки, который сам читал книги по складам. Читать я выучился скоро Через один месяц я уже читал сказки: Колыбок и золотая рыбка. Книги приходилась доставать с трудом. Да и то более всего сказачного и религиозного содержания. Поэзия мне нравится более всего. В 1917 году я выступил на литературное поприще послав одно из своих стихотворений в батумскую газету.

Которое я пос<в>ятил исключительно студенту Хлебцеву убитому за свободу. После того стал печататься и вдругих газетах современной печати. Внастоящее время продолжаю самообразование и продамжаю писать стихи.

Прошу получившаго мой пробный матириал не рассматривать, как чистописание а как черновики. Так, как бумаги нет, то я решился послать черновики без всякой обработки. Прошу несочтите великим трудом сообщит<ь> о получении.

<1920-е>

Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1–1 об. Автограф.

Товарищ редактор посылаю вам свое произведение Жизнь Ленина в стихах которое было зачитано в Самарском Слове. Самарское Слово находит что эта вещь написано на понятном простом языке которая пойдет для рабочих а главное для крестьян.

Социальное мое положение таково. Жена сторожа химической лаборат<ории>. Писать стала самоучкой. Пишу очень много стихов сатир и рассказов но только в печать ни куда ни могу поместить больно уж нашего брата из низов то заминают напишеш пойдеш прочтеш в Слове там похвалят за талант и только один сбыт стихов <в> стенгазету.

Приезжал в Августе Степной¹ прослушал мое сочинение что шлю вам и советовал послать вам. Товарищ редактор есть ли поддержка пролетарским писателям или так должно быть чтобы верховодили кто примазывается к рабочим и крестьянам ведь по моему слышен голос больше писателя интелгента который силится описать рабочих и крестья <н> а голос самих рабочих-крестьян желающих писать и даже имеющих талант не слышен его заглушают, ему говорят: ах жалко — вас кабы в Москве так можно бы что либо сделать. Тепер буду ждать что вы скажете. За ответом если смогу приеду. Если же не приеду пожалуй-ста передайте ответ Степному. Т. Акимова.

Жизнь, работа и учение В.И. Ленина *Фрагмент поэмы*

ЛЕНИН БОЛЕН.

Жизнь борьбы, трудов, изгнаний,
Душевной горечи, страданий
Натуру крепкую вояды
Сломили грубо не щадя.
ЛЕНИН пал в изнеможении
Его порывы и стремлении
Заснули в Ленинской груди
Болезнь лютая впереди
После первого удара
Сознание Ленина страдало
О судьбе крестьян, рабочих
У врачей узнать он хочет
Конец пришел ли не минучий
Его деятельности кипучей.
Врачи такого были мненья

Поднять здоровье безсомненья
Ответ как будто оправдался
ЛЕНИН быстро поправлялся
Даже с первым облегчением
Снова ожил он стремленьем
Работать, строить и учить
Не мог он без работы жить.
Когда та радостная весть
Дошла до отдаленных мест
По Республике Труда
Какою радостью тогда
Сердца народа озарились
Труды Вождя возобновились.

<...>.

СМЕРТЬ ЛЕНИНА.

На рождество устроив елку
Где детишки безумолку
Точно птички щебетали...
Они ведь тоже ожидали
Выздоровление Вождя.
И все до рокового дня
Надежды светлые питали
Его к работе ожидали.
Но болезнь не пощадила
Его безжалостно скосила
Из наших боевых рядов.
И по нитям проводов
Бежала черная печаль —
ЛЕНИН жить нам приказал.
Точно солнце охладилось
Будто жизнь опустошилась
Не хотелось слуху верить.
Нет возможности измерить
Печаль и пролитые слезы.
Появля ценной жизни розы.
Во всех сердцах, во всех умах
Светилось горе, робость, страх.
Ушел Ильич и мы одни
Ждут ли мирные нас дни
Или враги как черный дар

Нам снова нанесут удар.
Ильич оставил нас и жизнь
но бессмертен ЛЕНИНИЗМ
И для грядущих поколений
Велик и дорог будет ЛЕНИН.

ПОХОРОНЫ ВОЖДЯ.

То не море стонет, шумит
Не самум² пронесся по пустыне
Мировой пролетариат скорбит
Ильича опускают в могилу.
Не звонят по усопшим в церквях
Восковые не теплятся свечи
Эта скорбь в миллионных сердцах
Не поддельные слезы и речи.
Не поют, не читают над ним
Ни к тому призывал он народы
Реет красное знамя над ним
Стонут, плачут гиганты Заводы
Это мир преклонивший главу
Ильича поглощает могила
Пять минут они все не живут
Пролетарии честные мира.

КОНЕЦ

1925 года

*Крестьянка Самарской губернии
Татьяна Акимова.*

Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1–1 об., 36–39. Текст письма представляет собой автограф; к письму прилагается машинопись поэмы с авторской правкой.

¹ Псевдоним Афиногенова Николая Александровича (1878–1947), журналиста и писателя. Организатор газеты «Простор» (1906) в Оренбурге, автор романов «Пролетарий», «Семья», «Первая», «Марья» и др. В Оренбург приехал, скрываясь от полиции. Занимался изданием альманахов и литературных сборников. Много путешествовал по Оренбуржью и Казахстану, работал среди казачества (1918 г.), был членом ВЦИК 1-го и 2-го созывов. В 1918 г. были изданы три тома его «Сказок степи». В том же году основал Союз писателей, поэтов и журналистов Оренбургского степного края. Жил и работал в Орске в 1915–1916 гг.

² Сухой, знойный ветер в пустынях Северной Африки и Аравийского полуострова, несущий песок и пыль.

4*

В Центральный Исполнительный Комитет
Кр. и Рабочих Депутатов. Г. Москва,
Тверская улица дом № 11.

154

6/ VIII дня 1918 г.**

Пролетария служащего Хозяйственного Отдела Любимского
Совета Крест. и Рабочих Депутатов Николая Васильевича Воскресенского, жи-
вущего в гор. Любиме, Яросл. губ., за рекой Учей по Вологодской улице, в доме
наследников Механова.

Препровождая при сем свой труд по поэзии для помещения его
в предполагаемом к изданию сборнике литературных статей и поэзии
пролетарского труда, покорнейше прошу редакцию по изданию озна-
ченного сборника, если посылаемый мой труд признается достойным
к помещению в сборнике, выслать мне гонорар по оценке моего труда.

1918. Августа 3 дня

Н. Воскресенский.

К БОГУ.

К тебе Владыко прибегаю
И слезный вопль Тебе несу
Благослови мои благие начинания
Для народа Твоего, что бы он
Услышал вопль сердечный
Для исправления своего.

<...>.

ЯРОСЛАВЛЬ

Прощай краса приволжских берегов.
Тебя я видел много раз
Милый древний город
В годы испытаний тяжких

* Дореволюционная орфография оригинала не соблюдается.

** Номер и дата приписаны неизвестным лицом при регистрации письма.

Тебя никто не разрушал.
 В двадцатый век тебе пришлось
 Увидеть на себе и злобу и гнев мятежный
 Разрушен ты, потоптана твоя краса.
 И долго, долго буду помнить я твою печальную кончину.
 Когда и днем и ночью
 В тебя впивались ядра
 Ураганного огня.

<...>.

Николай Воскресенский

Г. Любим Ярославской губернии.
 3 Августа 1918 года.

Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 4, 1, 2 об. Текст письма (л. 4) представляет собой авторизованную машинопись, к письму прилагается машинописный текст стихотворений (л. 1–3).

5

КОМПАРТИИ.

Еще одним тяжелым горем
 сердца наполнились людей...
 протест — бушующее море
 не повлиял на палачей:

Невинных Сакко и Ванцетти,
 пострадавших столько лет,
 жизнь окончена на свете,
 их теперь к прискорбью нет...

Их, павших жертвой капитала,
 их, павших доблестно в бою,
 после жуткого финала,
 их теперь я узнаю.

И мир и партия Коммуны мировая,
 их потеряла в стройке дней
 ты, наша партия Союза боевая
 сомкни ряды свои тесней!

Победным шествием в дороге
 средь бурь и битв, невзгод и бед,
 не падай духом! На пороге
 стоишь ты, славная, побед.

Вздымайся грудь, смелее шаг
к победе славной, мировой,
клейми позор, вздувай пожар, —
греми же клич наш боевой!

Еще тесней народы мира,
сомкнут ряды своих знамен
и кровожадные вампиры
исчезнут в пепеле времен.

Хотя теперь от вести страшной
прискорбно, больно стало нам —
ответ врагам мы шлем отважно:
смерть, проклятье палачам!

Алеко¹.

<г. Сарапул Уральской области>

Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 3 об. Автограф.

¹ Псевдоним Алейникова И.Е.

6

МАТЬ.

Старушка — а мать худая, тихая;
Голову обнял клетчатый платок;
Платье линючее — небо дождливое.
Ходит хромая, стена — падожок.

Утро пропело отходную ночи,
Солнце запуталось в листьях сирени;
На пол сквозь окна рассыпались клочья...
Колокол стонет спросонок к обедне.

Мать поднялась... Умывальник пузатый,
Крякнув, рябое лицо освежил.
С печки свалился котенок лохматый
Старухин подол закружил.

Шопот неясный понесся к иконам;
В воздухе пальцы кого то ловили
— Господи, боже, пошли нам
Милость твою и присно, и ныне.

Звякнул заслон чепурнув чугунишко,
В нос забубнил самовар вислоухий,
Хамкнула печка охапку дровишек,
Красный язык показала старухе.

Плошки горошки — ее вечные спутники
(Так это было, но больше не будет)
Встала к огню закопченными пупами...
Курицы в сенях крикливо сумбурят.

.....
.....
.....
.....

Десять часов отсчитает,
Охая ляжет в кровать;
«Достойно» иконам расскажет,
После шепчет: Саня спать.

Александр Волжанин¹.

Пречистенский бульвар д. 29 кв. 14.
5-IX-22 г. Москва.

А. Болодурун

Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 1. Авторизованная машинопись.

¹ Псевдоним Болодурина Александра.

7

Покрой мне кажется, что я страна,
Что радостно зверьми населена.

И вот лежу, раскрытая до пня,
И травы вырастают из меня.

И руки белые моих дорог
Скрутили крепко с Западом Восток

И голубые руки потекли
Поить людей неведомой земли.

Но полюбил покой моих полян
Мой рудогривый лев Иоханаан.

На солнце греет золотистый пах
И мысль, как пыль, висит в его глазах:

Благословенны и мечте сродни
В лугах растущие на солнце дни.

Ванда Валувич

ПЕСНЯ.

За рекой горит разлаторый
Золотой венец.
Едет, едет нынче в сваты
Молодой купец.
Он горазд ведь к разговорам
И в ночной избе.
Черным бором, да нескоро
Я приду к тебе.
Мне коней не дорастила
Родная страна
Для сватов не накупила
Зелена вина.
Посмотри: за сорок грошей,
Что тебе принес.
Голубую ленту в косы
А для шеи — нож.
Аж по Неман ходят струги,
След неведом их.
Запоют мне скоро вьюги
Поминальный стих.

Ванда Валувич.

<1920-е>

Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 1, 6. Автограф.

8

ЧЕРЕЗ ВОЙНУ И ГОЛОД.

Словно звери люди обзлели
А их как нарочно раздражают,
Душою и телом все переболели.

А тут всюду им банды угрожают.
 Крестьяне вслах совсем разорились
 Не начем стало вполе выезжать,
 Словно до ниточки все обносились
 Нестало бычков не лошадок некому стало ржать.

Нет не машин не жнеек
 Даже нет ничего зачто невозмись,
 Нет не косилок не лабогреяк
 Через чур больно уж долго дрались.
 Рабочии в городах совсем прочернели
 Какие были предметы у них,
 Три года хлеба до сыта не ели
 Оне выменявали хлеба за них.

Городския рабочии и сельские крестьяне
 Ходили вотрепъех с испитым литцом,
 Давели же нас Копиталисты Босурмане
 Всё поддерживалось это Антантой подлецом.
 Она рабочих и крестьян грабит позволяла.
 Теперь трудящийся всех стран,
 А копиталистов попов и дворян в обиду не давали
 Поняли копитала обман.

От копитала скоро вес мир освободится
 Станем снова заводы строить поля орошать,
 И, больше на удочку копиталу не дадимся
 Тотчас навсегда перестанут пулеметы трещать.
 Тогда поновому весь мир переродится
 Всякий человек наземле счастья найдет,
 Все извлечение из природы нам пригодится
 Как в раю унас жизнь пойдет.

Не будет голодных не будет босых,
 Технику создадим хлеба наедемся
 Не будет без ногих не будет косых
 Труд Будет владыкой со злом примиримся.

Артамон Демин

товарищи хотя мои сочинения может и не высокого качества но помещая их вгазете вы разавьете в мене силу поэзии а не примете то останную инергию убъете я вед неученый крестьянин.

< 1921 >